

ОТРАЖЕНИЕ ОСНОВНЫХ ЗАДАЧ МИССИОНЕРСКИХ ПОЕЗДОК В ЗАПИСКАХ АЛТАЙСКИХ МИССИОНЕРОВ

Аннотация: Статья посвящена миссионерским поездкам как востребованной практике алтайских миссионеров. Целью статьи является выявление основных задач миссионеров в этих поездках в общении с некрещёным и новокрещёным населением Алтая. Основываясь на записках алтайских миссионеров, автор выделяет миссионерскую, служебную и просветительскую задачи миссионеров, а также рассматривает понятие «русификация» в отношении деятельности алтайских миссионеров в поездках как способствование аккультурации и ассимиляции алтайцев.

Ключевые слова: Алтайская духовная миссия, миссионерская деятельность, Русская Православная Церковь, русификация, аккультурация, инородцы.

Цитирование: Владимирова М. А. Отражение основных задач миссионерских поездок в записках алтайских миссионеров / М. А. Владимирова // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2023. Вып. 2 (27). С. 264–277.

Сведения об авторе: Владимирова Мария Александровна – аспирант Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, младший научный сотрудник Отдела новейшей истории Русской Православной Церкви ПСТГУ, специалист историко-филологического факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (Россия, Москва). E-mail: vladimirova_buzz@mail.ru

Проступила в редакцию 13.04.2023

Принята к публикации 27.04.2023

Алтайская духовная миссия по охвату территорий и уровню развития являлась одной из наиболее обширных и образцовых миссий. Ввиду низкой плотности населения и отсутствия всепогодных путей сообщения необходимость в регулярных

миссионерских поездках и, в целом, активной деятельности Алтайской духовной миссии не исчезала с момента её возникновения. Охарактеризовать назначение поездок позволяют миссионерские записки, которые являлись характерным жанром среди миссионеров Русской Православной Церкви. Они совмещали в себе черты дневниковых записей, путевых заметок, воспоминаний и отчётов, отличаясь по объёму, слогу и содержанию, что зависело от авторского стиля, и должны были отражать деятельность миссионера за определённый период, как правило, за год.

Миссионерские поездки являлись одной из основных форм миссионерской деятельности. Поездки совершались по временным или постоянным поселениям алтайцев, входивших в зону деятельности того или иного миссионерского отделения. Такие поездки с определённой периодичностью могли совершать как один-два миссионера, так и «миссионерские дружины», созданные на чрезвычайном съезде миссионеров в связи с указом «Об укреплении начал веротерпимости» [4, с. 222] и движением бурханизма, развернувшегося на Алтае в это время [7, с. 30].

«Миссионерскими дружинами» назывались поездки групп из четырёх-десяти человек, которые, как правило, отправлялись несколькими «партиями» [1, с. 7] (в среднем около трёх). Руководителем дружины назначался благочинный священник округа [1, с. 13, 21]. Группа, помимо священника, могла состоять из диакона, катехизаторов, псаломщиков, учителей, фельдшера [1, с. 21, 25], т.е. лиц, числившихся миссионерами, а также дополнительно приглашённых или нанятых для определённых нужд работников. Поездки миссионерских дружин существовали в Алтайской миссии около пятнадцати лет (и были признаны на миссионерском съезде в 1910 г. наиболее удачным способом проповеднической деятельности) [4, с. 223], но общение миссионеров с населением вверенных им территорий в форме поездок существовало с основания миссии. Миссионеры, священник, псаломщик или учитель, совершали миссионерские поездки

по своему отделению индивидуально или в компании от одного до трёх спутников [1, с. 35, 46].

В записках отмечается, что во время своих поездок миссионеры общались с населением, узнавали об их обычаях, верованиях, знакомили инородцев с основами православной веры, беседовали о важности участия в таинствах, «о том, как верить, жить и молиться» [1, с. 93], учили новокрещёных, проверяя знание ими молитв и давая различные наставления, оказывали им различную помощь и общались в свободном формате, а также совершали богослужения для крещёных. Как следует из записей миссионеров, во время поездок Крещения были нечесты, по большей части совершались беседы и различные требы [1, с. 16–17] – водосвятные молебны, молебны для новобранцев, освящение домов.

Нередко на призывы миссионеров креститься и их слова о важности Крещения от инородцев следовал отказ, хотя они и положительно относились к общению с проповедниками: «Есть даже такие язычники, что при встречах сами заводят разговор об истинном Боге и высказывают свои сомнения в истинности языческих божеств и новоявленного бурхана¹» [1, с. 88]. И хотя порой язычники утверждали, что у них «желания нет» [1, с. 40], однако это не мешало им интересоваться тем, что могли предложить миссионеры. Более того, в одном из источников описывается, как язычнику по его собственной просьбе было предоставлено Евангелие на алтайском языке, а также Жития Святых и поучительные статьи, хотя креститься он не намеревался. Самые распространённые доводы при отказе от Крещения были связаны с нежеланием бросать «отцовскую веру» [1, с. 38, 43, 57], страхом нового образа жизни [1, с. 46], (который могла

¹*Бурхан – божество в мифологии алтайцев и некоторых других народов Сибири и Центральной Азии [1, с. 194].*

вызывать возможность переселения в деревню новокрещёных и, соответственно, расставание с близкими [1, с. 39], боязнь непринадлежности к своему народу [1, с. 43]), и, наконец, убеждением, что «Всякому народу Бог дал свою веру, все мы призываем Бога и веруем Ему» [1, с. 45]. Кроме того, часто приводилось объяснение: «Когда придёт время, все мы окрестимся» [1, с. 36, 37]. Среди перечисленных отговорок нужно отметить отказ от крещения, объясняемый страхом ответственности. Пример подобной беседы приводит в своей записке священник Владимир Токпешев: «На наш вопрос, почему он не крестится, когда сознает ложность своих богов и бурхана, то он отвечает, что в будущем может окрестится, а пока, говорит подумать надо: если примешь новую веру, то нужно исполнять всё, что требуется в слове Божию с крещёного человека, а сразу не подумавши, принять христианскую веру как-то боязно, когда сами говорите, что если кто будет веровать и крестится, спасён будет, а без веры крестится, то тому будет хуже – осудится, а что будет тем, которые после крещения живут не по христиански?» [1, с. 88]. Сложнее всего миссионерам было убедить пожилых людей: «Старики, если с ними говорить один на один, обыкновенно мало разговаривают, ссылаясь на то, что век свой они уже прожили, а жить и веровать поновому им уже не приходится учиться» [1, с. 83]. Помимо этого инородцы² могли скрывать своё желание быть крещёными: «из опасения своих соплеменников, которые желающих принять св. крещение преследуют то угрозами и побоями, то притеснениями и несправедливым разбирательством их тяжёбных дел, то

²Инородцы – особая категория подданных в рамках права Российской империи, отличавшаяся по правам и методам управления от остального населения империи. В обиходном словоупотреблении термин применялся ко всем подданным Российской империи неславянского происхождения, но формально-юридически он относился лишь к явно перечисленным в законе этническим группам [1, с. 196].

грабежами и т.п.» [3, с. 7], примером чего является случай, когда девочку, желающую креститься, подвергли телесному наказанию её родственники [3, с. 20]. Нужно отметить, что значение мог иметь и временной отрезок, в который осуществлялась миссионерская деятельность. Например, в 1900–1910-х гг. крещения не были таким частым явлением; так, миссионеры отмечают проявляемое желание креститься отдельных язычников как «замечательные случаи обращения» [1, с. 57]. За год крещений могло быть совершено менее 10 (например, как отмечает священник Михаил Тырмаков, в 1914 году было крещено всего 5 человек [1, с. 59]) или же напротив крещений могло быть много, но они не отвечали непосредственной цели миссии – обращению язычников. Так, например, в 1908 г. в Мьютинском отделении было крещено 154 человека: 151 из них – это дети уже крещёных алтайцев, из язычества же было обращено 3 язычника [1, с. 85].

В общении миссионеров с инородцами интересно то, как последние иногда сами воспринимали миссионерскую деятельность. Так, например, в благожелательно настроенных селениях миссионеров призывали не расстраиваться из-за отсутствия скорых результатов проповеди: «как будто мы скоро не принимаем, по-видимому проповедь Ваша остаётся бесплодной, нет. Ваша проповедь подготавливает нас к той торжественной минуте, когда мы скажем все до одного: „Батюшка, крести нас, а камланье³ нас удержать не может“» [1, с. 57]. При этом язычники объясняли то, что продолжают камлать тем, что это является для них долгом гостеприимства: «например, сосед или знакомый камлал и я ел у него мясо, потому и мне тоже нужно сделать, чтобы ему отплатить тем же» [1, с. 57]. Порой для принятия Крещения язычникам требовался какой-то эмоциональный толчок, каким, например, могли стать гибель близких [1, с. 53, 90–91]

³Камлание – общение шамана с духами в состоянии транса [1, с. 196].

или собственное нахождение при смерти [1, с. 134–136, 41]: приглашение миссионеров в подобных ситуациях, могли свидетельствовать о доверии и симпатии населения к последним [1, с. 50]. Кроме того, повлиять на решение могло сновидение [1, с. 95] или же влияние уже крестившихся родственников [1, с. 96].

Однако в ситуациях, когда язычники просили о Крещении, миссионеры старались не совершать таинство сразу же, как только было высказано такое желание, а, по возможности, давали некоторый срок «в виде испытания» [1, с. 22], чтобы язычник укрепился в своём решении. Нередко в источниках упоминаются и скорые крещения, что было связано с отдалённостью миссионерского стана от места жительства инородцев, хотя этот факт и нарушал установленные «Правила о порядке приготовления иноверцев нехристиан к принятию православной веры и о совершении над ними таинств Святого Крещения» [8, с. 52–53]. Нередка точка зрения, что инородцы крестились ради предполагаемой выгоды, но нужно отметить, что миссионеры осознавали вероятность такой проблемы, однако рассчитывали на постепенное приобщение новокрещёных и их семейств к христианской культуре [10, с. 206].

Одной из основных задач миссионеров во время подобных поездок в отношении новокрещёных инородцев являлась их подготовка к принятию Святых Таин [1, с. 46]. Так, весенние поездки могли быть приурочены к Великому Посту [1, с. 48], для того чтобы новокрещёные, попостившись и поисповедовавшись, могли причаститься. Поскольку у многих не было привычки и понимания важности этого, а хлопоты по хозяйству могли препятствовать исполнению устава, селения, в которых были молитвенные дома, миссионер мог посещать до двух раз за пост [1, с. 48]. В селениях, где у миссионеров не было помещения, «для служения при приготовлении пасомых к исповеди назначались местные жители или командировался местный сотрудник противораскольнического братства таким расчётом, чтобы

готовящиеся к исповеди и принятию св. тайн, прибыли в становой храм» [1, с. 48], где и совершал служение миссионер.

Помимо этого, миссионерам приходилось обучать новокрещёных таким азам православной культуры, как значение и правильное совершение крестного знамения, заучивание и толкование самых простых молитв, объяснение смысла говения [1, с. 51] и таких очевидных для православных христиан моральных норм, как, например, недопустимость незаконного сожительства [1, с. 52]. Протоиерей Стефан Ландышев писал, что беседы с инородцами «имеют целию не только научение, но иногда и обличение и исправление; даже советы и наставления, относящиеся к сохранению здоровья, к домохозяйству, к улучшению быта общественного и семейного» [2, с. 8].

Наряду с просветительской деятельностью можно наблюдать в труде миссионеров и элементы русификации. Зачастую под «русификацией» («обрусением»), может пониматься негативное, характеризующееся насильственными методами определение, сформировавшееся под влиянием советской историографии [5, с. 30–35; 6, с. 31; 9, с. 130–131], а зачастую исследователи и вовсе не находят общего определения данному термину и явлениям, его составляющим. Как отмечает А.И. Миллер «термин русификация не описывает явление, но оценивает его», в связи с чем необходимо «определять критерии таких оценочных суждений», «различать, оцениваем мы интенции властей или объективное содержание процесса» и «ясно определять, идёт ли речь об ассимиляции, аккультурации, колонизации или каких-то других процессах», а также «понять логику (в том числе субъективную мотивацию)» [12, с. 55]. В данной статье под понятием русификация следует понимать способствование миссионеров аккультурации и в определённой степени ассимиляции алтайцев. Аккультурация «не затрагивает представлений о групповой принадлежности или национальной идентичности, в то время как процессы ассимиляции неизбежно с этим связаны»,

ассимиляция «представляет собой процесс уподобления, включения в новую общность, усвоение нового мировоззрения, традиций и эмоциональной привязанности» [12, с. 57]. «Обращение, безусловно, оказывает, мощное влияние на идентичности, а в этом смысле связано с понятием ассимиляции. Эта ассимиляция может иметь национальное измерение, то есть способствовать объективно и по интенциям её инициаторов утверждению русской идентичности» [12, с. 60–61]. По мнению исследователя, в языке состоит разница между «аккультурацией, одним из проявлений которой является усвоение русского языка как средства коммуникации в общественной сфере, и ассимиляцией, непременной частью которой является превращение русского в язык „духовной жизни“» [12, с. 70].

По мнению С.В. Мельниковой, внутренняя мотивация желания миссионеров «сделать русскими» алтайцев, проявляемая ими в записках, обуславливалась «своеобразным чувством вины и ответственности», которое испытывали перед алтайцами миссионеры «как проповедники и цивилизаторы. Крещение, помимо духовного спасения, было для этих народов гарантией от физического вымирания: будучи окрещёнными, туземцы автоматически обеспечивались заботой и поддержкой Российского государства. Миссионеры, таким образом, были не только источником более высокой духовной культуры, но и залогом физического выживания» [11].

Действия такого рода проявлялись в регулярном совершении молебнов с многолетиями «Государю Императору и всему Царственному дому» [1, с. 16], «Святейшему Правительствующему Синоду и православному воинству» [1, с. 15], «Верховному Главнокомандующему Н. Н. и всем труждающимся в Алтайской миссии» [1, с. 25], «даровании победы над врагом православному российскому воинству» [1, с. 16], пении «„вечная память“ всем почившим воинам на поле брани и всем почившим насадителям Христовой веры в стране сей» [1, с. 16], проповедях «о почитании

Бога и Государя и о патриотизме» [1, с. 16], «о бедственном положении нашего отечества, по случаю тяжёлой войны» [1, с. 15], призывах «помогать своей родине, кто, чем может» [1, с. 15] и сборе пожертвований в период Первой мировой войны, раздаче портретов императора (с пояснением личности изображённого [1, с. 23]), исполнением патриотических музыкальных произведений на русском и алтайском языках [1, с. 23] (гимн «Боже, Царя храни!» [1, с. 17], гимн «Ар пүткенди заяган» (Похвала русскому царю) [1, с. 14], что позволяло транслировать идею самодержавия и единства страны.

Таким образом, наиболее значимым для миссионерских поездок являлось не совершение большого количества крещений, а, скорее, приведение язычника к осознанию его необходимости, о чём говорит и то, что миссионеры, совершающие индивидуальные поездки, порой не имели священного сана. Скоро совершаемые Крещения были связаны с вынужденной необходимостью, которая возникала в связи с отдалённостью миссионерского стана от места жительства инородцев. Непосредственная работа миссионеров относилась к постепенному принятию язычниками заповедей христианства, знакомству их с основами вероучения и традициями русской православной культуры. В отношении новокрещёных основной целью поездок была помощь им в подготовке к Исповеди и Принятию Святых Таин. Следовательно, выделяется три основные задачи миссионерских поездок: непосредственно миссионерская, направленная на обращение язычников в Православие, служебная, задачей которой являлось совершение богослужений и треб, а также просветительская, задачей которой было привлечение новокрещёных к жизни православного христианина [1, с. 92]. Наряду с просветительской деятельностью можно наблюдать в труде миссионеров и элементы русификации – способствование миссионеров аккультурации и в определённой степени ассимиляции алтайцев.

Источники

1. Миссионерские записки и дневники сотрудников Алтайской духовной миссии : Сборник архивных документов ; составитель Ю. А. Крейдун. – Барнаул : Барнаульская духовная семинария, Алтайский дом печати, 2016. – 204 с.
2. Ландышев С. В., протоиер. Алтайская духовная миссия / протоиер. С. В. Ландышев. – М. : Типография В. Готье, 1864. – 22 с.
3. Ландышев С. В., протоиер. Известия из церковной алтайской миссии / протоиер. С. В. Ландышев. – М. : Типография В. Готье, 1858. – 22 с.

Литература

4. Баркова, Л. В. Особенности благовестия и оглашения Алтайской миссии / Л. В. Баркова // Научные труды миссионерского факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета : альманах ; составитель А. И. Ткалич. – М. : ПСТГУ, 2016. – С. 214–226.
5. Векшина, Н. М. Методы христианизации коренного населения Сибири (на примере Алтайской духовной миссии) / Н. М. Векшина // Религиоведение. – 2013. – № 1. – С. 30–35.
6. Вожакова, М. С. Деятельность Алтайской духовной миссии в оценках исследователей / М. С. Вожакова // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. – 2018. – № 3(45). – С. 30–32.
7. Крейдун, Ю. А., протоиер. Источники по истории Алтайской духовной миссии / протоиер. Ю. А. Крейдун // Материалы XV Ежегодной богословской конференции Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Т. 2. М. – 2005. – С. 21–32.
8. Лысенко, Н. А. Идеал сибирского священника-миссионера в официальных периодических изданиях русской

православной церкви второй половины XIX – начала XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. / Наталья Алексеевна Лысенко. – Омск : НГПУ, 2015. – 222 с.

9. Маняхина, М. Р. Роль алтайской духовной миссии в изменении социокультурного бытия нехристианских народов региона (XIX – начало XX века) / М. Р. Маняхина // Культурологические исследования '01 : Сборник научных трудов. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2001. – С. 128–136.

10. Матханова, Н. П. А. В. Потанина об Алтайской духовной миссии / Н. П. Матханова // Археографические и этнографические аспекты в изучении истории России ; отв. ред. А. Х. Элерт. – Новосибирск : Изд-во СО РАН. – 2016. – С. 199–211.

11. Мельникова, С. В. Записки алтайских миссионеров и их жанровая специфика / С. В. Мельникова // Сибирский филологический журнал. – 2008. – № 2. – С. 34–42. – ISSN 1813-7083

12. Миллер, А. И. Империя Романовых и национализм : Эссе по методологии исторического исследования. – М.: Новое литературное обозрение, 2006. – 248 с.

M. A. Vladimirova

REFLECTION OF THE MAIN TASKS OF MISSIONARY TRIPS IN THE NOTES OF THE ALTAI MISSIONARIES

Abstract: The article is devoted to missionary trips as a popular practice of the Altai missionaries. The purpose of the article is to identify the main tasks of missionaries on these trips in communication with the unbaptized and newly baptized population of Altai. Based on the notes of the Altai missionaries, the author highlights the missionary, service and educational tasks of the missionaries. The author considers the term “russification” in relation to the activities of the Altai missionaries in the campaigns as acculturation and assimilation of the Altaians by them.

Key words: Altai spiritual mission, missionary activity, Russian Orthodox Church, Russification, acculturation, foreigners.

Sources

1. Creidun Yu. A. (comp.) *Missionerskie zapiski i dnevniki sotrudnikov Altajskoj duhovnoj missii: Sbornik arhivnyh dokumentov* [Missionary notes and diaries of employees of the Altai Spiritual Mission: Collection of archival documents]. Barnaul, 2016, 204 p. In Russian.
2. Landyshev S. V., archpriest. *Altajskaja duhovnaja missija* [Altai spiritual mission]. Moscow, 1864, 22 p. In Russian.
3. Landyshev S. V., archpriest. *Izvestija iz cerkovnoj altajskoj missii* [News from the church Altai mission]. Moscow, 1858, 22 p. In Russian.

Literature

4. Barkova L. V. *Osobennosti blagovestija i oglasnenija Altajskoj missii* [Features of evangelism and announcement of the Altai mission]. In *Nauchnye trudy missionerskogo fakul'teta Pravoslavnogo Svjato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta* [Scientific works of the missionary faculty of the Orthodox St. Tikhon Humanitarian University: almanac]. Moscow, 2016, pp. 214–226. In Russian.
5. Vekshina N. M. *Metody hristianizacii korenного naselenija Sibiri (na primere Altajskoj duhovnoj missii)* [Methods of Christianization of the indigenous population of Siberia (on the example of the Altai Spiritual Mission)]. In *Religiovedenie* [Religious Studies]. 2013. No. 1, pp. 30–35. In Russian.
6. Vozhakova M. S. *Dejatel'nost' Altajskoj duhovnoj missii v ocenках issledovatelej* [Activities of the Altai spiritual mission

in the assessments of researchers]. In *Vestnik Jaroslavskego gosudarstvennogo universiteta im. P. G. Demidova. Serija Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Yaroslavl State University named after P. G. Demidov. Series Humanities]. 2018, No. 3 (45), July-September, pp. 30–32. In Russian.

7. Kreydun Yu. A., archpriest. Istochniki po istorii Altajskoj duhovnoj missii [Sources on the History of the Altai Spiritual Mission]. In *Materialy XV Ezhegodnoj bogoslovskoj konferencii Pravoslavnogo Svjato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta* [Proceedings of the XV Annual Theological Conference of the Orthodox St. Tikhon Humanitarian University]. Vol. 2. Moscow, 2005, pp. 21–32. In Russian.

8. Lysenko N. A. Ideal sibirskogo svjashhennika-missionera v oficial'nyh periodicheskih izdanijah russoj pravoslavnoj cerkvi vtoroj poloviny XIX – nachala XX v. [The ideal of a Siberian missionary priest in the official periodicals of the Russian Orthodox Church in the second half of the 19th – early 20th centuries. Dissertation of the Candidate of Historical Sciences. Omsk, 2015, 222 p. In Russian.

9. Manykhina M. R. Rol' altajskoj duhovnoj missii v izmenenii sociokul'turnogo bytija nehristsianskih narodov regiona (XIX – nachalo XX veka) [The role of the Altai spiritual mission in changing the socio-cultural life of the non-Christian peoples of the region (19th – early 20th centuries)]. In *Kul'turologicheskie issledovanija'01 Sbornik nauchnyh trudov* [Culturological research'01: Collection of scientific works]. St. Petersburg, 2001, pp. 128–136. In Russian.

10. Matkhanova N. P. A. V. Potanina ob Altajskoj duhovnoj missii [A. V. Potanina about the Altai spiritual mission]. In *Arheograficheskie i istochnikovedcheskie aspekty v izuchenii istorii Rossii* [Archeographic and source studies aspects in the study of the history of Russia]. Novosibirsk, 2016, pp. 199–211. In Russian.

11. Melnikova S. V. Zapiski altajskich missionerov i ih zhanrovaja specifika [Notes of the Altaic missionaries and their genre

specifics]. In *Sibirskij filologičeskij žurnal* [Siberian Journal of Philology]. 2008. No. 2, p. 34–42. In Russian.

12. Miller A. I. Imperija Romanovyh i nacionalizm: Jesse po metodologii istoričeskogo issledovanija [The Romanov Empire and Nationalism: An Essay on the Methodology of Historical Research]. Moscow, 2006, 248 p. In Russian.